

ОТЗЫВ

о диссертации *Ма Яньхун*

«Типы словообразовательной мотивации в русском языке: неединственная мотивация», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. М., 2020.

Актуальность своего исследования Ма Яньхун определяет необходимостью «более глубокого изучения с привлечением большого языкового материала» (с. 6), связанного с таким явлением, как множественная мотивация в словообразовании, поскольку данное явление оказывается системным для осмысления словообразовательной системы русского языка. Несомненно, эта сторона актуальности не вызывает сомнений, ибо в этом случае полное и систематизированное описание языкового материала позволит учесть развитие словообразовательных отношений и характер их представления в словообразовательной паре и словообразовательной цепочке. Но, думается, актуальность данного исследования определяется не только этим, а, скорее всего, связью с теми современными приоритетными направлениями лингвистики, в которых *на первый план* выдвигается изучение *языковых компетенций* носителя языка, его *знаний*, зафиксированных в языке и обусловленных *когнитивными способностями* человека как языковой личности. Это позволяет выявлять и определять отношения между словами в аспекте мотивации как отражающей важнейшую сторону его речемыслительной деятельности, ее когнитивной природы. Поэтому, на наш взгляд, есть основания считать, что актуальность работы Ма Яньхун имеет перспективу в рамках теорий, *развивающих* те или иные аспекты *антропоцентрического и коммуникативного подходов*. Они позволяют выявлять и описывать *принципы и механизмы речемыслительной деятельности*, направленной на выявление мотивационных отношений и их реализацию в тексте. Вследствие этого объектом оказывается не столько само производное слово, сколько

словообразовательная пара. Дело в том, что знания носителей языка о производном слове отражают его вторичные знания, а первичные знания связаны со знанием производящего слова, которое включается в интерпретацию нового объекта действительности. В результате формируется новое знание, которое и отражено в производном слове. Именно это, думается, закономерно приводит соискателя к необходимости осмысления различных типов мотивации вообще и множественной словообразовательной мотивации в частности. В результате обоснованной оказывается основная **цель** диссертации, позволяющая учитывать системный характер и специфику описания неединственной мотивации на фоне «преобладающих одномотивированных отношений» (с. 6).

Выявлению же этих отношений способствуют используемые соискателем современные методы корпусной лингвистики и количественного анализа, которые определяют, по мнению Ма Яньхун, объективность и результативность выводов в описании языкового объекта.

В своем единстве *предмет, цель и задачи исследования*, а также *положения, выносимые на защиту*, **соответствуют специальности «русский язык»**. Привлечение сопоставительного материала из китайского языка, думается, не имеет приоритетного характера, а позволяет увидеть специфику неединственной мотивации *именно в русском языке* и тем самым подтвердить связь языков с речемыслительной деятельностью носителей этих языков. Не вызывает сомнений обоснованность, в целом, результатов и выводов языковым материалом.

Правомерным, в целом, представляется *композиционное построение диссертации*, которое отражает основные исследовательские задачи и позволяет последовательно реализовать цель работы и положения, выносимые на защиту. При этом важно и ценно то, что мы имеем специальную главу, в которой обосновывается выбор автором терминологического аппарата и его понятийного содержания. Правда, в этой части диссертации мы имеем, скорее всего, *описательный, а не*

объяснительный подход к изложению теоретических вопросов. В принципе, такой подход достаточно часто представлен в кандидатских диссертациях. В данном случае, учитывая сложность аналитической проработки данного словообразовательного материала не носителем русского языка, мы считаем такой способ подачи теоретических вопросов вполне приемлемым, поскольку для понимания теоретических основ исследования он, на наш взгляд, оказывается достаточным. Поэтому, в целом, можно заключить, что основные теоретические положения осмыслены соискателем, систематизированы и нашли реализацию в языковом материале.

Не вызывает сомнений и *статус* диссертации Ма Яньхун как *кандидатской диссертации*. Оценивая в этом плане *научную степень новизны* исследования в целом, отметим, что в ней достаточно полно представлены опыт описания словообразовательной мотивации в русистике, различные подходы к ее анализу и систематизации, а также реализация отражения мотивационных отношений в лексикографической практике. Имеем мы и развитие исследовательской концепции, разрабатываемой научным руководителем профессором Е.В.Петрухиной в рамках исследования ею словообразовательных процессов в славянских языках и описания их в когнитивном аспекте. Но, главное, в работе Ма Яньхун мы имеем *новое решение конкретной исследовательской задачи*, связанной с анализом функционирования слов, находящихся между собой в отношениях неединственной мотивации. Это нашло отражение в системном анализе полимотивированности производных слов в русском языке как в рамках лексикографического описания, так и в составе текстовых структур, в которых подтверждается реализация неединственной мотивации в языке. В таком *параллельном осмыслении* языковой материал описан *впервые*. *Впервые* также системно изучена мотивация в рамках словообразовательной категории личных имен женского рода (с использованием корпусного анализа). Несомненно, наиболее значимые результаты связаны с детальным

языковым анализом на основе применения методов корпусной лингвистики и количественных методов.

Что же касается **положений, выносимых на защиту**, то они имеют *разную степень новизны*, но, в целом, они сориентированы на цель и задачи исследования и подтверждены результатами языкового анализа. *В качестве пожелания* можно высказать следующее. *Положения 2 и 3* можно было бы объединить, поскольку речь идет о едином признаке – регулярности / нерегулярности двойной мотивации. Думается, *Положение 5*, в котором отмечается, что «проведенное исследование позволило четче определить полимотивированность производных слов, разграничив непосредственную и опосредствованную мотивацию, а также отделить данные типы мотивации от случаев расхождения формальных и семантических отношений между однокоренными словами» (с. 11) - это, скорее, констатация новизны работы.

Теоретическую значимость диссертации Ма Яньхун мы связываем, прежде всего, с вкладом в дальнейшую разработку теории мотивации, которая в настоящее время обусловила выделение мотивологии как особой области языковых знаний. В результате разные типы мотиваций предстают в многообразном взаимодействии с другими видами отношений и тем самым определяют интегративный характер языковой системы в целом. А интегративность в сегодняшних исследованиях оказывается центральным принципом в описании языковых явлений.

Что же касается *практической значимости*, то она бесспорна и, в принципе, достаточно полно представлена в соответствующей позиции КД и АКД.

Особо хотелось бы остановиться на наиболее спорной для нас трактовке соискателем отношений между существительными по признаку женскости, хотя, с точки зрения соискателя, представленный им обзор мнений исследователей «демонстрирует, по сути дела, *единообразную трактовку* в русистике мотивирующей базы производных имен со значением женскости, в

качестве которой выступают личные имена существительные мужского рода» (с. 108). Позвольте в это единообразие внести некоторое сомнение и тем самым разнообразить данную трактовку.

В своей работе «Семантико-derivационные оппозиции по признаку пола» (1978) мы представили троичные оппозиции по данному признаку (типа *гусак* → *гусь* ← *гусыня*), которые, в принципе, включали две привативные оппозиции (*гусь* → *гусак* и *гусь* < — *гусыня*). Это позволило достаточно однозначно выразить в них словообразовательную мотивацию по признаку пола (*гусак* — гусь-самец, а *гусыня* — гусь-самка, что подтверждалось словарными определениями). Здесь важно подчеркнуть, что слово *гусь* в этой оппозиции не актуализирует однозначно значение пола. Это подтверждается, в частности, употреблением его во множ. числе: *гуси* не означает, что все они особи муж. пола. *Гусь*, скорее всего, является названием вида птицы. Крайние же оппозиции, сориентированные на обозначение конкретного пола, находятся в этом случае в эквиполентных отношениях, что и не позволяет значение одного из них выразить через значение другого.

Это же мы имеем, на наш взгляд, и в случае типа *старик* — *старуха*. Считать, что слово *старуха* образовано от слова *старик*, представляется достаточно спорным. Поэтому утверждение соискателя, что в эквиполентной оппозиции «имена женщины и мужчины маркированы по признаку биологического пола» (с. 124), требует ответа на вопрос о том, маркированы по отношению к чему?. Ср. также: «Однако текстовые связи с именем *старик* еще более активны — налицо неединственная мотивация лексемы *старуха*. Более частое употребление имени женского рода *старуха* с именем мужского рода *старик* в одном контексте можно объяснить тем, что эти слова составляют родовую пару, маркированную по полу в единственном числе, которое функционирует в тексте как единое целое (во множественном числе в слове *старик* пол нейтрализуется)» (с.132). А как в этом случае

трактовать следующий текст: *В комнате остались только старики и старухи*. Ведь этот текст дает как раз актуализацию пола, противопоставляя лиц муж. и жен. пола, объединенных признаком «старый». Особенностью значения пола является то, что оно сохраняется во множественном числе, в отличие от родовых различий.

Другое дело, что в отношениях слов по полу не всегда выражен лексемным способом срединный член, т.е. мы не имеем словесного репрезентанта, по отношению к которому крайние оппозиты оказываются маркированными. Однако в русском языке репрезентация концепта ПОЛ вполне может быть представлена сочетанием слов типа *старый человек*. В этом случае мотивация оказывается вполне соответствующей обыденному сознанию: *старик* – старый человек муж. пола; *старуха* – старый человек жен. пола. А в примере *супруг – супруга* вполне может быть объяснение их мотивации посредством отсылки к слову *супруги* (безотносительно к полу, своего рода существительное pl. tantum). И тогда *супруг* – это один из супругов муж. пола, а *супруга* – один из супругов жен. пола.

То, что подавляющее большинство названий специальностей, должностей и профессий выражено существительными мужского рода, не означает, что существительные со значением женского пола образовались от существительных со значением муж. пола. *Род и пол – это соотнесенные, но все же разные языковые сущности*: род имеет отношение к языковым знаниям и является грамматическим признаком, а пол связан с концептуализацией действительности, с отражением реальных различий по полу. Вследствие этого значение пола рассматривается как лексическое значение, а в производных словах как словообразовательное значение модификационного характера. Поэтому, на наш взгляд, следует более последовательно различать понятия «родовая пара» и «пара по полу». То, что многие существительные со значением женскости образуются на базе

существительных муж. рода, не означает, что они образованы от существительных со значением муж. пола.

В заключение отметим ряд *уточнений и наших рассуждений*, связанных с обсуждаемой проблемой и позволяющих соискателю соотнести их со своей позицией. Это даст возможность членам диссертационного совета оценить Ма Яньхун как участника научной дискуссии, а самому соискателю - увидеть возможную корректировку и перспективы своего исследования.

1. На наш взгляд, несмотря на то, что работа выполнена в структурно-семантическом плане, считаем, что для более полного представления теоретического осмысления неединственной мотивации в первой главе диссертации закономерно было бы указать на когнитивный подход в осмыслении словообразования и, в частности, проблемы словообразовательной мотивации. Думается, явление неединственной мотивации наиболее ярко демонстрирует когнитивные способности человека по-разному репрезентировать мыслительную операцию по выбору мотивирующего слова, о чем свидетельствуют разные типы мотивации, поскольку они демонстрируют концептуальную деривацию интерпретирующего характера. Кстати, сам соискатель на с. 42 КД указывает на влияние теории интерпретации на разное представление мотивации.

2. Несомненно, статистические данные, используемые в качестве доказательства выбора той или иной мотивации в случаях множественной мотивации, оказываются весомым доказательством в решении вопроса о связи производного слова с тем или иным производящим. Но, думается, в качестве *корректирующего механизма* целесообразно было бы использование словарных дефиниций, которые могли бы также рассматриваться в качестве текстового репрезентанта мотивации как мыслительной структуры. Особенно в случаях, когда наблюдается противоречие между семантической и формальной сложностью. Поэтому подключение словарных толкований вполне логично в рамках рассуждений

соискателя о способах верификации неединственной мотивации (см. 4.1.). Это обусловило бы *комплексный подход* к описанию данного языкового явления.

3. Учитывает ли соискатель различие между морфемным представлением структуры производного слова и реальным словообразовательным процессом, когда, например, выделяемые в морфемном анализе самостоятельные аффиксы оказываются в словообразовательном процессе объединенными для выполнения производной номинации. Речь в данном случае идет о *конфисках* (или циркумфисках), которые в функциональном плане образуют целостную структуру и демонстрируют один шаг словообразовательной деривации. Так, с точки зрения морфемного разбора в слове *подводный* традиционно выделяют префикс и суффикс, тогда как в словообразовательном акте представлен один аффикс - *конфиск* «под...н»).

4. Анализируя двойную мотивацию у отглагольных существительных на -ние типа *повышение*, соискатель отмечает, что «такие слова могут образовываться от невозвратных и возвратных глаголов СВ: например, *повышение* ← *повысить* и *повышение* ← *повыситься*» (с. 86). Однако неясно в этом случае отношение к видовой паре *повышать* – *повыситься* с точки зрения того, как она представлена. Если формами одного слова, то тогда закономерно включение в двойную мотивацию только форм СВ, но если видовая пара рассматривается как противопоставление разных глаголов, то тогда, вероятно, и образования НСВ должны в той или иной мере присутствовать во множественной мотивации, поскольку находятся в отношениях производности. В частности, Ма Яньхун, ссылаясь на мнение В.В.Лопатина и И.С.Улукханова, приводит следующее высказывание: «Неединственными являются также непосредственные мотивации отглагольного существительного *проверка*: оно может быть мотивировано не только глаголом несовершенного вида *проверять* (*провер-к-а* ← *провер-я-ть*),

но и глаголом совершенного вида *проверить* (*провер-к-а* ← *провер-и-ть*), здесь при обеих мотивациях формант один и тот же – суффикс *-к(а)*» (с.36).

5. Представляется не совсем корректным включение в список литературы, наряду с научными публикациями, словарей и справочных изданий. При этом ряд словарей (Т.Ф. Ефремовой, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова), материалы которых используются в диссертации (см. с. 53), оказываются не включенными в этот список.

Завершая отзыв, отметим, что некоторые наши рассуждения и вопросы могли явиться следствием неоднозначного понимания соискателем и официальным оппонентом некоторых понятий и положений. Поэтому мы не претендуем на их абсолютную истину и тем самым на принятие их соискателем.

Итак, мы считаем, что **исследование Ма Яньхун «Типы словообразовательной мотивации в русском языке: неединственная мотивация»** – это **самостоятельное, целостное и завершенное исследование**, связанное с осмыслением актуальной лингвистической проблемы. Оно решает важную научно-практическую задачу анализа неединственной мотивации в русском языке и вносит определенный научно-практический вклад в теорию и практику современных структурно-семантических исследований по словообразованию и теории мотивации. Задачи, решаемые в работе, систематизированы и сориентированы на достижение цели, а полученные результаты имеют как теоретическую значимость, так и практическую ценность. Общие выводы в целом закономерны, подтверждены языковым материалом и отражают положения, выносимые на защиту.

Автореферат и отраженные в нем 6 публикаций, 4 из которых входят в состав изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете

МГУ имени М.В. Ломоносова, соответствуют проблематике и отражают различные аспекты исследования.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова по отношению к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.01 – «русский язык» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Работа оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Соискатель **Ма Яньхун** заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 - «Русский язык».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук

(специальность 10.02.01 – русский язык),

профессор, профессор кафедры русского языка

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Анатолий Леонидович Шарандин

4 декабря 2020 г.

Адрес места работы: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181 К, учебный корпус № 5, кафедра русского языка. Тел.: 8 (4752) 72-34-34; e-mail:

Подпись сотрудника Тамбовского государственного университета А.Л.Шарандина удостоверяю: кадровый работник

